

ЭККЛЕЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ БОЛГАРСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ СТАРОСТИЛЬНОЙ ЦЕРКВИ

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Экклезиологическое самосознание Болгарской Православной Старостильной Церкви базируется на следующих основных положениях православной экклезиологии:

- Основным критерием принадлежности к Церкви Христовой является «правильное и спасительное исповедание веры» (преп. Максим Исповедник)¹, истинная и точная вера (св. Григорий Палама).²
- Этот критерий или принцип валиден как к отдельной личности по отношению к Церкви, так и к поместным церквям по отношению к Соборной (Кафолической) Церкви.
- Соборность (= кафоличность)³ Церкви Христовой является ее качественной, а не количественной характеристикой, ее онтологическим свойством, выражающим целостность и полноту проповедованной ею истины. (В древнеболгарском и оттуда в церковнославянском, русском и болгарском языках понятие «кафолическая» в качестве свойства Церкви передается соответственно словоформами «сѣборная», «соборнаа», «соборная», «сѣборна»). Следовательно кафоличность (=соборность) Церкви не зависит от количества ее членов, от ее территориальных и географических масштабов или от других каких-либо эмпирических условий.
- Соборную (Кафолическую) Церковь нельзя отождествлять с какой-либо отдельной конкретной церковью, или же рассматривать ее – как это делает римско-католическая экклезиология – как совокупность всех поместных

¹ К житию и диспуту преподобного отца нашего и исповедника Максима – PG, 90, 93D. Срв. Письмо к монаху Анастасию – PG911 461BC.

² К патриарху Антиохии - κώδ. Coisl. 99, φ. 144a – цит. по Γεωργίου Μαντζαρίδου. Περὶ θεώσεως τοῦ ἀνθρώπου. Μυστηριακὸς καὶ ἐκκλησιολογικὸς χαρακτῆρ τῆς θεώσεως. – In: Παλαμικά. Ἐκδ. Π. Πουρναρᾶ. Θεσ/νίκη 1998, σελ. 197-198.

³ От древнегреческого прилагательного καθολικός – «общий»; с III в. н.э. употребляется в значении «всеобщий», «всецелый», «универсальный». Уже с конца I в. н. э. καθολικός начинает употребляться в языке христиан со специфическим значением, выражающим главное свойство Церкви Христовой.

церквей, составляющих вселенскую (т. е. повсеместно распространенную в географическом смысле) Церковь. Критерием, согласно которому Церковь определяется как соборная, (= кафолическая), является исповедание православной веры. Более того – сама «кафолическая Церковь (καθολικὴ Ἐκκλησία) является правильным и спасительным исповеданием веры» (преп. Максим Исповедник).⁴ Следовательно, «правильное и спасительное исповедание веры» в Бога (=Православие) является онтологическим основанием кафоличности как свойство Церкви и именно в нем осуществляется церковное общение как общение с Христом и во Христе. Именно как общение *с* и *в* Кафолической (Соборной) Церкви, церковное общение свидетельствует о единстве во Христе, в высшей степени выявляет это единство, но взятое само по себе, церковное общение не является условием единства с Соборной (Кафолической) Церковью. Общение является выражением единства, а не средством для его достижения. Единство с Соборной (Кафолической) Церковью обуславливается не общением, а «правильным и спасительным исповеданием веры».

- Отсюда пребывание в православной вере и ее защита – это не просто идейные убеждения и отвлечённый догматический спор, а вопрос первостепенной экзистенциальной значимости. Отцы, которые неустранимо исповедовали и защищали православную веру, делали это от имени Соборной Церкви и во имя ее существования: «Ради кафолической и апостольской Церкви» (καθολικὴν καὶ ἀποστολικὴν Ἐκκλησίαν) трудились «апостолы и в свое время святые отцы, учителя и мученики делом и словом, борьбой и потом, мучениями и кровью и наконец – своей поразительной смертью.» (преп. Максим Исповедник)⁵.
- Из вышеизложенного следует, что тот, кто исповедует православную веру, является членом Соборной Церкви (или присоединяется к ней) и состоит в общении с ней, а кто проповедует учение, несообразное с православным, тот отделяется от Соборной Церкви и от общения с ней. Этот принцип валиден как в отношении отдельных лиц, так и в отношении отдельных

⁴ К житию и диспуту преподобного отца нашего и исповедника Максима – PG, 90, 93D.

⁵ Из письма, написанного в Риме – PG 91, 140AB.

церковных организаций, даже и когда они институционально продолжают быть церквями, и сами себя называть церквями. «Те, которые не принадлежат истине, не принадлежат и Церкви Христовой; и это тем более истинно, чем более они лгут о себе, называя себя или будучи называемы со стороны своих людей пастырями и архипастырями; поскольку мы научены, что христианство определяется не по тому, что видно снаружи, но посредством истинной и точной веры». (св. Григорий Палама)⁶.

НАЗВАНИЕ

Название «Болгарская Православная Старостильная Церковь» не выражает точно ее экклезиологическую сущность. Оно следует установившейся традиции. Этническое определение «Болгарская» отражает исторически сложившееся институциональное структурирование поместных церквей по этническому (впоследствии – по национальному) и государственно-территориальному признаку, которое постепенно вытесняет древнее территориальное структурирование поместных церквей в пределах мультиэтнической Римской империи. Определение «православная» равнозначно определению «соборная» («кафолическая»). Его повсеместное употребление по отношению к Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви вводится, начиная с XVI-XVII вв.. Определение «старостильная» визирует популярный у нас отличительный знак церковно-литургической практики, которая с VII в. до 20-х гг. прошлого века осуществляется повсеместно согласно календарно-пасхалической системе Великого индиктиона. Хотя и неточные, если смотреть со строго экклезиологической точки зрения, дополнительные определения по отношению к Церкви появляются в то или иное историческое время. Как известно, Кафолическая (Православная) Церковь начинает называться «восточной» в противовес западной, т. е. Римско-католической церкви. В XVIII-XIX вв. Русская Православная Церковь называлась «Греко-российской», «Восточно-православной» и даже «Российской церковью греческого закона». Поместные церковные структуры получают те или иные дополнительные определения также в силу возникающих церковных проблем, учитывая политическую и правовую ситуацию в отдельно взятых странах. Например, с 1996 г. в Эстонии сосуществуют параллельно две поместные православные церкви в рамках т. наз. официального православия. Одна из них называется «Эстонской

⁶ К патриарху Антиохии - κώδ. Coisl. 99, φ. 144a – цит. по Γεωργίου Μαντζαρίδου. Περὶ θεώσεως τοῦ ἀνθρώπου. Μυστηριακὸς καὶ ἐκκλησιολογικὸς χαρακτῆρ τῆς θεώσεως. – In: Παλαμικά. Εκδ. Π. Πουρναρῶ. Θεσ/νίκη 1998, σελ. 197-198.

Православной Церковью» и является самоуправляемой поместной церковью в рамках Московского Патриархата. Другая называется «Эстонской Апостольской Православной Церковью» и является автономной поместной церковью в составе Константинопольского Патриархата; в ней числятся клирики и миряне, вышедшие из Эстонской Церкви юрисдикции Московского Патриархата.

ЭККЛЕЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ОТСТУПЛЕНИЯ В НАШЕ ВРЕМЯ

Современные экклезиологические ереси деструктивируют само понятие о Церкви. Такой ересью является экуменизм как богословская концепция, организованное общественное движение и религиозная практика. Именно как ересь определили его сущность многие духоносные православные иерархи и богословы прошлого XX в. Одним из крупнейших шагов на пути к осуществлению экуменической идеи объединения «разделенных» христиан и воссоздания «разделенной Церкви» была церковно-календарная реформа в ряде поместных православных церквей в прошлом столетии. Следует, однако, отметить, что инфильтрующаяся в разной степени ересь экуменизма трудно поддается целостному и точному определению, потому что, в отличие от древних ересей, экуменизм не стремится найти себе ясное и последовательное доктринальное выражение с претензией быть соборно принятым и представленным как формулированная церковным сознанием истина веры. Пока еще не составляют большинства те иерархи, клирики и богословы, которые считают себя православными и в то же время исповедуют экуменизм в его самых крайних формах межрелигиозного синкретизма или же в его «чистом» виде экклезиологической ереси, а именно, – что вследствие разделений между христианами единая видимая Церковь Христова якобы уже не существует и поэтому она должна быть воссоздана в недрах экуменического движения. Это – с одной стороны. С другой стороны, однако, экуменизм продолжает срастаться с официальным православием. И ответствен за это официальный православный епископат, который демонстрирует скользкое политико-дипломатическое отношение к этому процессу и категорически отказывается осудить экуменизм как проявляющуюся в разной степени, многоспектральную, но, несомненной, по своей сущности экклезиологическую ересь. В этом контексте выход Болгарской Патриархии из Всемирного совета церквей в 1998 г. оказался, к сожалению, лишь тактическим ходом с определенной церковно-политической целью, а не шагом, обусловленным принципиальным переосмыслением отношения к экуменизму.

Экклезиологическое измерение есть и у т. наз. сергианства, которое в беспрецедентных условиях гонения на Церковь в бывшем Советском Союзе вручило большевикам внешне правильную церковную институцию, чтобы она в их руках стала средством жестокой борьбы с самой Церковью как полнотой Истины Христовой. Впрочем, сергианство – это не только типично русское явление. Оно охватило и поместные православные церкви в странах Восточной Европы, в которых после Второй мировой войны были установлены коммунистические режимы. Как в Советском Союзе, так и в этих странах сущность сергианства выражается в (само)обольщении, что ложь можно использовать в качестве средства для «спасения» истины, что соглашательство с врагами Церкви есть способ ее «сохранения». На практике, как правило, получается как раз противоположное – епископат, воспринявший такую позицию, становится в руках коммунистов-атеистов средством для полного контроля над Церковью, для ее морального и духовного обессиливания с целью запланированного ими окончательного ее отмирания. Более конкретно экклезиологический аспект сергианства сводится к искажению понятия «каноничность». В сергианском контексте каноничность противоестественно отрывается от духа и истины канонического предания, превращается в формальную нормативность, с помощью которой можно оправдать всякое беззаконие, совершаемое управляющим епископатом; в конечном итоге каноничность вырождается в управленческий прием, с помощью которого можно держать церковный народ в подчинении этому епископату, независимо от того, куда он его ведет. Или, как пишет протоиерей Михаил Польский, очевидец и жестоких гонений, и коварной борьбы против Русской Церкви в 20-х гг. прошлого века: «Митрополит Сергей и его епископы отличаются от обновленцев тем, что они держатся во что бы то ни стало за каноны, их сохраняют прежде всего. Они – не нарушители канонов, как обновленцы. Но получается грубая несообразность. Когда обновленцы лгали, клеветали, обманывали, это было плохо, потому, – что они неканоничны. А когда клеветает и лжет митрополит Сергей, то это хорошо, потому что он каноничен. Оказывается, каноническому все можно. Это насмешка и над канонами, и над нравственностью и искажение их смысла.»⁷ После падения тоталитарных режимов в конце прошлого века, в новых условиях политической свободы сергианство сохранилось как наследство прошлого и в то же время видоизменилось. В силу того, что оно давно превратило беспринципность, ложь и патологический сервилизм перед

⁷ Польский, Михаил протопресвитер. Положение Церкви в Советской России, очерк бежавшего из России священника. S.l.; Параклит, 2004, с. 83. Доступно на: <http://paraklit.org/knigi/Ispovednicheskye/Polskoj.pdf>

властимущими в свою природу и уже не страха ради репрессий, а во имя корыстных интересов не только продолжило предавать, но вместе с тем под покровом «каноничности» начало и продавать свободу Церкви взамен дружбы с сильными мира сего и вытекающих из этого материальных выгод и престижного общественного положения. В таком видоизмененном виде сергианство (как неосергианство или постсергианство) в значительном масштабе охватывает сегодня епископат официальных поместных церквей во всем мире.

Если такие явления, как экуменизм и сергианство, – даже когда они не стремятся найти себе ясное доктринальное выражение, а разрастаясь «ползучим образом» проникают в тело Церкви, – станут системными и всеобщими, т. е. если они будут активно восприняты или пассивно допускаемы всеми епископами какой-либо одной или нескольких поместных церквей, то сущность борьбы с этими явлениями сводится к прекращению церковного общения с такими епископами, которые соборно внедряют в Церковь ересь, проповедуя ее или своей пассивностью и молчанием содействуют ее распространению (см. 15-е правило Константинопольского /двукратного/ собора).

ПОНЯТИЯ «ОФИЦИАЛЬНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ»

И «ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПОМЕСТНЫЕ ЦЕРКВИ»

Эти понятия имеют особое экклезиологическое содержание и выражают специфику апостасийных процессов в современном православном мире. Православие – одно, и его содержание не нуждается в пояснениях с помощью дополнительных определений. Необходимость того или иного определения к термину «православие» возникает из-за подмены его изначального достоверного содержания под давлением экуменической и сергианской ментальности, либерализма, релятивизма и других апостасийных явлений. Содержание понятия «официальное православие» тесно связано с содержанием понятия «официальная церковь» (соответственно – «официальные поместные церкви»). «Официальное православие» является своеобразной идеологией «официальных поместных церквей». Это размывающееся плюралистическое православие, которое *постепенно отрывается от своей духовной идентичности*, и формируется во времени, как заместитель подлинного Православия, причем так, чтобы это переформатирование происходило без вызывающих резких изменений. Основной отличительной чертой официального православия является его сергианская

конъюнктурность, т. е. приспособленчество к реальностям современности, соответственно которым оно выстраивает ту или иную политико-церковную линию: внешне – как выражение соборного церковного сознания, а в сущности – как корпоративно обязательные ситуативные оценки, высказывания, поведение. Например, в официальном православии могут звучать сильные экуменические интонации, но в какие-то моменты может, наоборот, преобладать традиционалистическая риторика. Но, как уже упоминалось, оно никогда не высказывает ясное, принципиальное, соборное отношение к сущности экуменизма как еклесиологической ереси, *которая срастается с ним*, независимо от того, что большинство ее сторонников и распространителей избегают пока формулировать ее вполне открыто и ясно, как вероисповедную позицию. В официальном православии ослабевает, иезуитски опорочивается и в этом смысле прерывается связь между высказываемым и мыслимым, между декларациями и убеждениями, между словом и совестью. Так, например, епископ в частном разговоре может размежеваться со своим официальным деянием – с публичным высказыванием или же с содержанием подписанного им документа, содержащего противные Православию, т. е. еретические положения, – но тот же епископ не решается сделать это публично, в разрез с официальной церковной политикой.

Что понимается под понятием «официальная церковь»? Русские катакомбники так называют признанную советской властью (и полностью зависимую от нее) церковь, возглавляемую митрополитом (в последствии – патриархом) Сергием (Страгородским) (†1943 г.). Под «официальной церковью» или «официальными поместными церквями» понимаются известные, исторически сформировавшиеся поместные церкви, иерархическое руководство которых официально воспринимает, развивает или допускает экуменизм как богословскую концепцию и религиозную практику, по разным поводам соборно использует ложь, прикрываясь сергиански понимаемой «каноничностью», воспринимает и другие формы отступления от Православия. Короче говоря – под «официальными церквями» понимаются известные, исторически сформировавшиеся поместные церкви, которые находятся в *процессе отступления*, активно проводимого или пассивно допускаемого *соборно* их епископатом.

ВОПРОС О БЛАГОДАТИ В ТАИНСТВАХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ПОМЕСТНЫХ ЦЕРКВЯХ

Болгарская Православная Старостильная Церковь не имеет общения с Официальными Поместными Церквями. Для ограждения от такого общения не требуется наличие несомненной уверенности в том, что эти церкви окончательно отпали от Единой Святой Соборной Апостольской Церкви и что совершаемые в них таинства безблагодатны. Достаточным основанием для прекращения церковного общения является тот факт, что епископат этих церквей проповедует ересь или своей пассивностью попустительствует ее распространению и, соответственно, пребывает в церковном общении с проповедующими или толерирующими ересь епископами. Клирики, монашествующие и миряне, которые прерывают церковное общение с епископом, «проповедующим ересь всенародно и открыто в Церкви», достойны «чести, подобающей православным», ибо они не только не нарушают единство Церкви, а, наоборот, проявляют усердие сохранить Церковь от расколов и расцеплений.⁸

В настоящее время Болгарская Православная Старостильная Церковь воздерживается от категорического ответа на вопрос, являются действительными или нет таинства, совершаемые в официальных поместных церквях. На самом деле активно распространяемая или пассивно попустительствуемая – прежде всего епископами – ересь приводит в конечном итоге к отпадению от Православной Церкви как отдельных лиц или групп, так и целых Поместных Церквей. Но это может осуществляться и постепенно, в течение более или менее длительного периода времени. Например, таким является случай с Римской церковью. Она отходила от «правильного и спасительного исповедания веры» поэтапно, и только после довольно длительного периода времени окончательно отпала от Кафолической Церкви.

К сожалению, в богословском плане, именно вопрос о наличии или отсутствии благодати в таинствах официальных поместных церквей оказался тем камнем преткновения, о который разбилось единство истинно-православных христиан. В напряженной атмосфере десятилетних споров неправомерной богословской абсолютизации достиг вопрос, на который соборное сознание Церкви не дало догматически сформулированного ответа. Вот почему следовало бы рассматривать этот вопрос с подчеркнутым вниманием в свете святоотеческого богословского консенсуса,

⁸ 15-е правило Константинопольского (двукратного) собора.

а также в свете соборного пастырского опыта Христовой Церкви. Это, со своей стороны, исключает дебаты посредством односторонне подобранных цитат из свв. Отцов, исключает абсолютизацию определенных личных или групповых богословских мнений.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОБОРНОГО ОСУЖДЕНИЯ ЭКУМЕНИЗМА

Известно, что единственно соборный разум Единой Святой, Соборной и Апостольской Церкви может установить и провозгласить окончательное отпадение от Православия (кафоличности) отдельно взятой Поместной Церкви (или Церквей), которая была Православной, но перестала быть таковой по существу, независимо от того, что продолжает называть себя православной (=соборной, кафолической). Так, например, в отношении Римско-католической церкви голос этого соборного разума выражается как в свидетельствах ряда свв. Отцов – от св. патриарха Фотия, св. Григория Паламы и св. Марка Эфесского до прп. Никодима Святогорца, св. Иоанна Кронштадского и прп. Иустина Сербского, так и в постановлениях нескольких Константинопольских соборов (1170, 1450, 1722 и 1838 гг.), а также в Окружном Послании восточных патриархов 1848 г.

Реальности в современном православном мире не дают достаточных оснований допустить, что к нашей эпохе применим пример Седьмого Вселенского Собора. Сообразно этому примеру нам следовало бы стремиться к православному церковному свидетельству в надежде, что выходом из апостасийного кризиса будет «Объединительный Собор», который осудит экуменизм (как, вероятно, и другие современные проявления отступления) и объединит всех православных христиан в «правильном и спасительном исповедании веры», а всех тех, кто продолжает исповедовать осужденные Собором ереси и заблуждения, провозгласит отпавшими от тела Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви. К сожалению, сравнительно недавно произошло событие с обратным знаком – в результате объединения большей части Русской Православной Зарубежной Церкви с Московской Патриархией в 2007 г. не те, которые отступили от Истины, присоединились к православным, а наоборот – православные отреклись от своего долголетнего свидетельства веры и объединились с обличаемыми ими раньше экуменистами и сергианами.

Принимая во внимание актуальные тенденции в развитии церковной жизни (в самом широком смысле этого понятия), можно допустить, что впредь уменьшится вероятность появления условий для проведения Объединительного Православного Собора. Более того, не исключено, что в будущем в православном мире может наступить еще более глубокий, чем сегодня, апостасийный кризис. Это, со своей стороны, может привести к пересмотру изложенной здесь экклезиологической оценки процессов, протекающих в официальных поместных церквях, именно потому, что она обусловлена анализом переменных, а не постоянных величин. Путь отступления, по которому продолжает идти официальное православие, в конечном итоге выводит за ограду Христовой Церкви.

Не менее тревожным является и другой факт – отсутствие единства и согласованности между Истинно-Православными Церквями. Необходимы добрая воля и терпеливый длительный труд, чтобы были преодолены трагические разделения между ними и созданы условия для созыва Общего Православного Собора, который осудил бы экуменизм и дал бы оценку целому спектру апостасийных процессов нашего времени.

ЗНАЧЕНИЕ СОБОРНОГО ПАСТЫРСКОГО ОПЫТА ЦЕРКВИ

Соборный пастырский опыт Христовой Церкви в связи со способом принятия (чиноприемом) в ее лоно кающихся еретиков и раскольников отражен в творениях некоторых свв. Отцов и, прежде всего, в деяниях и решениях ряда Вселенских и Поместных Соборов.

Разнообразие способов принятия одних или других кающихся еретиков и раскольников совсем не свидетельствует о релятивизме и церковно-политической гибкости в этой практике Соборной Церкви, а раскрывает духовную глубину ее соборного пастырского опыта. При принятии кающихся еретиков и раскольников Вселенские и Поместные Соборы весьма часто применяют принцип икономии. Пастырско-канонический принцип икономии не означает конъюнктурно обусловленный компромисс, не означает и обыкновенное снисхождение, а визирует в высшей степени ответственное пастырское действие при крайне затруднительном положении, причем смысл этого действия переносится исключительно на ожидаемые от него положительные (веровые и духовно-нравственные) последствия. Икономия – это каноническое и пастырское действие, которым может быть нарушена буква канона, не входя, однако, в противоречие с его

духом. Но икономией ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах нельзя позволить, оправдать грех или же любого рода компромисс с «правильным и спасительным исповеданием веры».

Применение принципа икономии при принятии еретиков или раскольников в церковное общение совсем не означает, что Церковь признает действительность их таинств. Классическим примером в этом отношении является 95-е правило Трулльского собора, согласно которому последователи осужденных Церковью ересей – несториане и монофизиты – принимаются в церковное общение только через отречение от ереси и исповедание православной веры.

Учитывая особенности церковной ситуации у нас, Болгарская Православная Старостильная Церковь стремится подходить с подчеркнутым вниманием к тем клирикам и мирянам, которые хотели бы присоединиться к ней. Самое существенное в пастырской работе с ними – это помочь им сделать свой выбор свободно, осмысленно и ответственно. К настоящему моменту миряне, которые в некоторой степени имеют веровое и церковное сознание и которые участвовали в церковной жизни Болгарской Патриархии, принимаются в общение через принесение покаяния в рамках Таинства Исповеди. Монашествующие и клирики подают письменное прошение и принимаются в общение посредством составленного для этой цели краткого покаянного чинопоследования.

По мнению Болгарской Православной Старостильной Церкви каждая отдельная Истинно-Православная Церковь обладает пастырской свободой определить, сообразно специфике церковной жизни в соответствующих странах или регионах, способ принятия присоединяющихся к ней иерархов, клириков и мирян из официальных поместных церквей. Она (БПСЦ) не настаивает на унификации практики принятия в церковное общение, руководствуясь в данном случае словами св. Киприана Карфагенского: «В этом деле мы никого не принуждаем, никому не даем закона, потому что каждый предстоятель имеет свободу воли в управлении Церкви, имея дать отчет в своем действовании Господу».⁹

† *Триадичский Епископ Фотий*

⁹ Письмо папе Стефану – Concilia ad regiam exacta. Tomus primus. Lutetiae Parisiorum, Impensis Societatis Typographicae Librorum Ecclesiasticorum iussu Regis constitutae, MDCLXXI, col. 741. Доступно на – <http://books.google.bg/books?id=VY5EAAAACAAJ&lpg=PA18&ots=Vx-9jPr2TC&pg=RA3-PT279#v=onepage&q&f=false>